

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.09

Правильная ссылка на статью:

Кухта М. П. Жизненные стратегии разновозрастных групп украинского общества в условиях нестабильной социальной ситуации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 139—160. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.09>.

For citation:

Kuckhta M. P. (2018) Life strategies of different age groups of Ukrainian society in an unstable social situation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 139—160. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.09>.

М. П. Кухта

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗНОВОЗРАСТНЫХ ГРУПП УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

LIFE STRATEGIES OF DIFFERENT AGE GROUPS OF UKRAINIAN SOCIETY IN AN UNSTABLE SOCIAL SITUATION

LIFE STRATEGIES OF DIFFERENT AGE GROUPS OF UKRAINIAN SOCIETY IN AN UNSTABLE SOCIAL SITUATION

*КУХТА Мирослава Павловна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии, Киевский национальный университет культуры и искусств, Киев, Украина.
E-MAIL: miroslavakukhta@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4663-9670*

*Myroslava P. KUCKHTA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Lecturer
E-MAIL: miroslavakukhta@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4663-9670*

¹ Kyiv National University of Culture and Arts, Kyiv, Ukraine

Аннотация. Высокая степень напряженности в украинском обществе порождает необходимость приспособления к новым условиям, что весьма сложно, особенно для представителей старшего поколения. В статье анализируются жизненные стратегии разных

Abstract. A high degree of tension in Ukrainian society generates a need to adapt to new conditions. Many people find it difficult especially the older generation. The article analyzes life strategies of different age groups in Ukraine against the backdrop of an unfavorable social sit-

возрастных групп в Украине на фоне неблагоприятной общественной ситуации с целью определения, в какой степени социальная напряженность выступает стимулом к актуализации внутренних ресурсов.

На основе данных исследования делаются выводы, что неблагоприятная социальная ситуация в Украине приводит к повышению уровня депривации и избранию пути защитных, пассивных стратегий, не выступая достаточным побуждением для активизации внутренних ресурсов. В первую очередь это касается старшей возрастной группы, жизненный опыт и потенциал которой оказываются незадействованными в новых социальных условиях.

Ключевые слова: молодежь, люди старшего возраста, жизненные стратегии, жизненные ресурсы

uation in order to determine the extent to which social tension is a stimulus for actualization of internal resources.

Based on the research data, it is concluded that an unfavorable social situation in Ukraine leads to a higher level of deprivation and a choice of protective and passive strategies, not acting as a sufficient incentive for activation of domestic resources. And first of all it concerns the older age group, whose life experience and potential turn out to be unoccupied in the new social conditions.

Keywords: youth, older people, life strategies, life resources

В современном мире не только обыденные повседневные практики постоянно претерпевают модификацию, но и стили и образ жизни социальных субъектов. Они напрямую связаны с представлением и предвидением своего будущего, возможных трудностей и препятствий на пути к достижению желаемого, оценкой собственных возможностей и соотносением желаемого с ожидаемым, то есть построением жизненных перспектив. Процесс и механизмы осознания социальным субъектом своих перспектив — предпосылки для построения определенной линии (стратегии) поведения. Поэтому изучение жизненных перспектив представителей различных социальных групп в переносе на условия конкретной социальной среды остается важным вектором социальных исследований.

Жизнь конструируется под влиянием многих как внешних (социокультурных), так и внутренних (индивидуально-психологических факторов). Однако из всей серии факторов выделяется интегральный — фактор возраста. Он выступает одновременно как внутренний, психологический, будучи напрямую связан с прохождением возрастных этапов развития (вспомним теорию Э. Эриксона [Erikson, 1950]), так и внешний, социальный, коррелирующий с социокультурными представлениями о необходимых достижениях, которые становятся достоянием людей определенного возраста (см. исследования М. Мид [Mead, 1970]). То, что для человека определенного возраста в пределах одной культуры будет соответствовать общепринятым нормам, в пределах другой окажется вычурным, если

не совсем неприемлемым (например, преобладающий возраст вступления в брак и рождения детей сейчас и 150—200 лет назад). Соответственно, рассмотрение с позиции возраста того, как современный человек конструирует свою жизнь, представляется весьма значимым.

Прежде всего, следует рассмотреть представленность возрастных групп в современном обществе. В социально-экономической статистике выделяются три возрастные группы населения: «моложе трудоспособного возраста» (0—15 лет), «трудоспособный возраст» (16—59 лет), «старше трудоспособного возраста» (60 (55) и более лет). Иное деление — на детский и подростковый возраст (0—17 лет), молодость (18—29 лет), зрелый возраст (30—55 лет), старший возраст (старше 56 лет). Последний подход, с одной стороны, основан на разных способах включения в социальную структуру и связан с приобретением социальных статусов, с другой — близок к психологическому разделению на основе прохождения возрастных этапов жизненного пути, значимых как с точки зрения общества, так и самого индивида. В своем исследовании будем опираться именно на второй подход как более универсальный.

Особое внимание обратим на рассмотрение жизненных стратегий двух возрастных групп: молодежи и людей старшего возраста, делая при этом акцент на последних. И те, и другие — своеобразные антиподы: первые стоят в начале жизненного пути, другие — приближаются к его завершению. Однако обеим группам присущи общие черты, значимые в плане жизненного конструирования. Одна из важнейших среди них может быть названа субъектностью — это способность самостоятельно осуществлять жизненные выборы (в отличие от детей), которая вместе с тем ограничена в силу внешнего давления (как молодежь, так и старшее поколение лишь частично включены в процессы социального воспроизводства, что накладывает существенные ограничения на их экономические и социальные возможности, в отличие от зрелого возраста). Другая существенная черта — неопределенность, мультивекторность будущего, ведь в то время как представители зрелого возраста плотно интегрированы в социальную структуру и их жизнь движется по ранее выбранным траекториям, молодежь и старшее поколение находятся на перекрестках жизни.

Особенности жизненных стратегий украинской молодежи достаточно широко представлены в социологическом дискурсе (этот вопрос рассмотрен в ряде наших предыдущих публикаций [Кухта, 2011; Кухта, Мартинюк, 2012]), в то время как осмысление жизненных практик представителей старшего поколения, которые успешно адаптировались к условиям постпроизводственного периода жизни и выработке теоретических моделей жизненных стратегий, которые были бы эффективными в настоящее время, выступает, на наш взгляд, актуальной задачей и в теоретическом, и в практическом, и в гуманистическом отношениях. Не в последнюю очередь это обусловлено одной из главных тенденций современности — старением населения, которое характерно для многих стран мира и является весьма тревожным показателем для мировой экономики.

Проблема старения нашла отражение в ряде микро- и макротеорий социологии. На сегодняшний день в западной социологии рассматриваются вопросы социально-демографического состава населения старшего возраста, продол-

жительность жизни различных социально-профессиональных групп пожилых людей, процесс старения и выхода на пенсию (см., например, [Россет, 1968; Cumming, Henry, 1961] и др.), изменения при переходе от молодого к старшему возрасту [Irwin, 1995], возрастная стратификация [Reily, Johnson, Foner, 1972], особенности жизни людей старшего возраста [Taylor, Ford, 1981] и старения в современном мире [McFadden, Atchley, 2001], коммуникация пожилых людей [Nussbaum, Pecchioni, Robinson, 2000].

Среди социологических исследований на советском и постсоветском пространстве о проблемах ролевых изменений, связанных с выходом на пенсию, см. [Панина, 1987; Шапиро, 1980; Патрушев, 1998]. Место пожилых людей в обществе, особенности их трудовой и общественной деятельности рассмотрены в [Бондаренко, Лазарева, 1997; Козлов, 1999; Василенко, 2003; Киселева, 2003; Большакова, 2003].

Специфика украинского пространства (с проблемным полем которого мы работаем) заключается в нестабильности общественной ситуации и вызванном им повышенном уровне напряженности. Так, украинцы находятся в положении стабильной нестабильности, когда в течение трех десятилетий каждые несколько лет происходят значительные сдвиги, которые заставляют людей приспосабливаться и реагировать на них. Такая нестабильность присуща всем сферам, определяющим социальную жизнь (дисфункциональность большинства социальных институтов и потеря доверия к ним со стороны населения — очередное тому доказательство). Это приводит к наложению «полей напряжения» — неясность и непонятность социальных реформ наряду с экономическими, политическими, демографическими и т. д. угрозами, приводят к стабильно высокому уровню социальной напряженности.

При этом напряженность затрагивает представителей всех возрастных групп, однако особенно разрушительными последствиями отличается для старшего поколения. Этому есть несколько объяснений: во-первых, адаптивный потенциал старшего поколения заметно ниже (не в последнюю очередь из-за внешних обстоятельств: так, эйджизм на рынке труда стоит на первых позициях в перечне препятствий к приему на работу); во-вторых, вследствие накопленного жизненного опыта пожилые люди глубже осознают и переживают социальные риски; в-третьих, несмотря на стереотипное представление о более низких потребностях старшего поколения и их неприхотливости, склоняемся к мысли, что эта неприхотливость продиктована не снижением потребностей, а снижением ресурсов.

Шагом к решению подобной задачи считаем изучение ряда вопросов, которые должны быть выяснены как теоретическим, так и эмпирическим путем. К таким относятся, прежде всего, определение особенностей жизненных стратегий в неблагоприятных социальных условиях — ведь вряд ли кто-то будет отрицать взаимосвязь между проблемами, существующими в жизни индивидуального актора, и теми жизненными стратегиями, которые он выбирает для их преодоления. Конечно, эта связь опосредствуется системой ценностных ориентаций, смыслов, установок, интересов, жизненного опыта, мотивирующей значимости, преломленных через способности и индивидуальные возможности, что в совокупности образуют мир его субъективной реальности.

Кардинальные изменения в современной системе жизненного ориентирования, вызванные многообразием инновационных процессов, пронизывающих все сферы и уровни социальной реальности и жизнедеятельности человека, обусловили актуальность использования в процессе исследования социального поведения людей категории «жизненная стратегия». Эта категория включает в себя понятие, описывающее такие элементы жизненного ориентирования, как образ жизни, ценности и нормы жизни, смысл и цели жизни и т. п. Понятие жизненной стратегии сочетает в себе не только направленность на достижение желаемого социального статуса, но и указание на способы достижения целей, а также делает возможным изучение динамики социальной адаптации субъекта к новой социокультурной ситуации как на личностном, так и на социальном уровнях, являясь, таким образом, комплексной характеристикой, отражающей различные стороны человеческой жизни. Жизнь человека в единстве его объективных и субъективных характеристик, разворачивающаяся в конкретно-историческом индивидуальном жизненном мире, собственно и выступает предметом жизненного проектирования и формирования соответствующей жизненной стратегии.

Одним из магистральных путей современной социологической мысли относительно определения каузальных первоисточников социального поведения является отказ от жестких детерминирующих схем и одновременно увеличение акцента на субъектности акторов, участвующих в процессе социального взаимодействия. Тем более проблема активного начала, «самости» содействующих субъектов актуализируется в периоды социальной нестабильности, когда слабеют традиционные социальные регуляторы и растет удельный вес субъективного фактора. Учитывая эти тенденции, обращение к проблеме жизненных стратегий в социологии представляется своевременным как в теоретическом плане, так и с точки зрения насущных проблем постсоветских обществ. Сейчас, когда разрушается традиционная преемственность поколений, снижается значение семейных традиций и ценностей, партнерства, жизнь высвобождается от классовых, групповых, институциональных рамок, стратегемы различного уровня деятельно включены в повседневное поведение индивида. Таким образом, стратегия становится задачей, что зависит от решения индивида, за которую он будет нести персональную ответственность. Это не просто дорога, точка выбора — это переход от мечтаний и планов к реальной жизни, воплощение замыслов.

В общепринятом смысле стратегия (др.-греч *στρατηγία* — искусство полководца) — общий, детализированный план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период времени и имеющий своей задачей эффективное использование ресурсов для достижения основной цели, с попутным достижением промежуточных целей. В советской и постсоветской научной традиции эта проблематика также представлена достаточно широко, начиная с теории диспозиций В. Ядова [Ядов, 2003], концепции жизнотворчества Л. Сохань [Сохань, 2016], наработок в области жизненных планов [Головаха, 2001; Соболева, 2010; Резник, Резник, 1995]. В частности, концепция диспозиционной регуляции социального поведения В. Ядова подчеркивает сложность, многомерность, качественное разнообразие и внутреннюю противоречивость механизмов стратегического планирования жизни. Л. Сохань и М. Кириллова [Сохань, Кириллова, 1982], отождествляя стратегию и программу жизни, подчеркивают их

систематизирующую и регулирующую функции, обеспечивающие упорядоченность и скоординированность, этапность осуществления жизненных планов. Н. Соболева [Соболева, 2016] видит в жизненных стратегиях направляющий фактор при осуществлении цепочки жизненных выборов. Ю. Борцов и И. Камынин [Борцов, Камынин, 1995] обращают внимание на побуждающую роль потребностей и притязаний как важной составляющей активности. М. Мдивани и П. Кодесс [Мдивани, Кодесс, 2006] жизненной стратегией считают развернутую во временной перспективе психологического будущего структуру жизненных целей, а В. Большов — сложное динамическое образование, в рамках которого реализуются жизненные притязания, формируется оценка и проектирование будущего состояния жизни и намечаются главные пути и способы достижения желаемого результата. Жизненная стратегия в интерпретации В. Букина [Букин, 2009] — это динамическая система перспективного ориентирования личности, направленная на сознательную смену и конструирование будущей жизни в соотношении с определенным планом и с помощью соответствующих способностей. Д. Чеботарева [Чеботарева, 2006] называет жизненной стратегией социально обусловленную систему ориентации личности в личной и социальной сферах на долгосрочную перспективу, а Л. Бузунова и Н. Шапошников [Бузунова, 2007; Шапошников, 2008] — систему представлений личности о своей будущей жизни, ориентирующих и направляющих повседневное поведение в течение длительного времени. О. Васильева и Е. Демченко [Васильева, Демченко, 2001] считают жизненную стратегию таким способом бытия, системой ценностей и целей, реализация которых, по представлениям человека, позволяет сделать его жизнь наиболее эффективной. Наиболее обстоятельно подошли к вопросу сущности жизненной стратегии и методологии ее изучения Ю. Резник и Т. Резник [Резник, Резник, 1995], которые утверждают, что социологический подход к изучению жизненных стратегий заключается в ориентации на исследование институциональных процессов, структур и механизмов. Исходя из избранной ими социологической траектории в исследовании, авторы определяют стратегии жизни как социально обусловленные системы ориентирования личности на долговременную перспективу; символически опосредованные и выходящие за пределы сознания по своему влиянию идеальные образования, которые реализуются в поведении человека, его ориентирах и приоритетах [Кухта, 2013]. Указанные авторы видят специфику социологического подхода к изучению жизненных стратегий в исследовании социальных ресурсов, институтов, структур и механизмов, определяя стратегию жизни как социально обусловленную систему ориентации личности на длительную перспективу.

В то же время есть основания констатировать, что многочисленность подходов и концепций вызывает определенную размытость самого понятия «жизненные стратегии», в результате чего возникла необходимость в систематизации его существенных признаков и более четком отделении от смежных понятий и категорий.

Анализ приведенных определений приводит к мысли, что жизненную стратегию ученые рассматривают как в широком, так и узком смыслах. В широком под ними понимается система личностных диспозиций и поведенческих установок, направляющих социальное поведение актора в течение длительного промежутка времени; а в узком смысле под жизненными стратегиями понимают линию поведения или правила, которые управляют поведением человека в конкретных

жизненных ситуациях. Такое толкование помогает дифференцировать значения, приписываемые исследователями этому понятию. Однако деление на широкую и узкую трактовки не объясняет всех особенностей проявлений стратегического планирования жизни.

На наш взгляд, адекватно отразить сложное явление стратегического саморегулирования социальных акторов способно введение в категориальный аппарат социологии как минимум трех близких по смыслу, но отдельных понятий: 1) стратегия жизни; 2) жизненные стратегии; 3) поведенческие стратегии. На сегодняшний день в научной литературе первые два понятия выступают в качестве взаимозаменяемых и принимаются синонимично, третье сравнительно редкое. Попробуем обосновать целесообразность разведения близких в морфологическом плане, но различных по сути понятий «жизненные стратегии» и «стратегия жизни». На наш взгляд, стратегия жизни выступает единицей анализа в случае, когда жизнь берется в целом, в масштабе всей продолжительности, она соотносится с такими категориями, как мировоззрение, картина мира, цель жизни, смысл жизни, жизненный путь, жизненный идеал, жизненное кредо. Под стратегией жизни мы понимаем присущую субъекту конфигурацию принципов, установок и норм, которые обуславливают определенную стереотипизацию выбора способов решения жизненных проблем, склонность к определенному стилю жизни. Отличие ее от жизненной программы заключается в том, что последняя структурирует жизненные цели и планы, упорядочивая их не только с точки зрения очередности осуществления, а прежде всего по значению, в соответствии с устоявшейся иерархией ценностей — целей, то стратегия жизни воплощает предпочтения при выборе приоритетных ценностей — средств. Проводя аналогию с разграничением понятий «жизненных целей» и «цели жизни» («цель жизни» является тем, ради чего жить — а жизненные цели служат ей средствами), можно сказать, что стратегия жизни позиционируется как избранное если не навсегда, то на значительную часть жизни направление развития, движения к определенной идеи или идеалу — в то время как жизненные стратегии скорее выступают как способы избрания (соответствующих представлениям субъекта о ситуации и собственном потенциале) средств достижения как промежуточных, так и обобщенных целей в отдельных сферах жизнедеятельности, и способны изменяться в соответствии с актуализированной социальной функцией.

Что касается использования понятия «жизненные стратегии» в множественном числе, то оно обусловлено тем, что применение понятия «стратегия жизни» (охватывающая главным образом лишь круг людей, которые уже выбрали жизненный путь и активно и творчески его движутся по нему) способно существенно сузить направление исследований до уровня индивидуально неповторимого и направить его в русло психологии. Поэтому мы избрали понятие «жизненные стратегии» как указывающее на сосуществование различных типов стратегий.

При совпадении стратегий жизни социальные акторы могут использовать различные жизненные стратегии; но возможно и обратное: при существенных различиях в жизненных принципах субъекты способны в каких-то сферах жизни в какой-то период использовать идентичные жизненные стратегии. Можно согласиться с К. Абульхановой-Славской, [Абульханова-Славская, 1991] в том, что

стратегия жизни характеризуется тремя существенными признаками: во-первых, выбором направления и образа жизни, построением иерархии магистральных жизненных целей и определением этапов их достижения; во-вторых, нахождением путей решения жизненных противоречий; в-третьих, творческим соединением собственных целей с жизнью. На наш взгляд, следует этот перечень дополнить такими параметрами, как комплексность и временная длина, продолжительность («развертывание» во времени).

У жизненных стратегий несколько другие существенные признаки, вытекающие из их основных функций:

- обеспечение ориентации в мире (соотнесение себя и мира, желаемого и прогнозируемого будущего);
- направляющая (планообразующая);
- побудительная (мотивирующая к действиям);
- творческая (конструирование собственной жизни);
- организационная (структурирующая порядок целереализации);
- регулирующая (корректирующая) социальное поведение.

В итоге на основании теоретического анализа указанных структурных элементов, мы приходим к определению понятия «жизненные стратегии». Жизненные стратегии — это комплексное социопсихическое образование, призванное обеспечить адаптацию и самореализацию человека в жизни, что выстраивается на основе ценностных ориентаций и отличается такими качествами, как направленность, устойчивость, протяженность, осознанность, организованность, самостоятельность, реалистичность, активность, — уровни представленности которых вместе с доступными ресурсами (средствами) предопределяют оптимальность построения стратегий. Жизненные стратегии имеют статическую и динамическую части и формируются в процессе социализации под влиянием социальных, культурных, личностных факторов.

Методологически важно подчеркнуть единство основных составляющих формирования стратегий: 1) социокультурной детерминации; 2) индивидуальной склонности; 3) векторизации в сферу практического поведения. Первые две составляющие отличаются генезисом, источником формирования: если одна берет начало от объективных факторов (культурно обусловленные образцы, стандарты, нормы, ценности, воспринятые в ходе социализации), то другая имеет внутреннюю, субъективную природу (индивидуальные задатки, смыслы, цели, ценности). Но и та, и другая «задают» содержательную сторону жизненной стратегии, воплощается же последняя в организационном компоненте (умения, навыки, привычки, стереотипы).

Здесь мы вплотную подошли к стратегии поведения или, точнее, стратегиям, поскольку возможно наличие у актора нескольких стратегий, которые он может чередовать в зависимости от особенностей ситуации. Обращаясь к вопросу концептуализации понятия поведенческой стратегии в рамках системы социологического знания, прежде всего необходимо установить соотношение понятия поведенческой стратегии с более употребляемым понятием жизненные стратегии. По нашему мнению, поведенческие стратегии служат средствами операционализации жизненных стратегий в отношении конкретных обстоятельств социального взаимодействия. Стратегия поведения — это генерализованная линия, некий алго-

ритм, который просматривается в практических действиях субъекта, подталкивает к выбору тех или иных решений и образцов поведения в обыденных жизненных ситуациях. Функционально стратегию поведения можно уподобить характеру с его специфической ролью в психологической структуре личности. Другой аналогией может послужить соотношение образа и стиля жизни.

В то же время не совсем верно определять стратегию поведения как тактику решения практических задач. Понятие тактики (происходит от латинского «tactus» — прикосновение) предусматривает реальные технологические действия, служащие реализации стратегического замысла применительно к ситуативным обстоятельствам. Например, Грибоедовская «а коль придется служить...» — пример тактического решения стратегии придворного раболепия. Стратегия поведения представляет собой основанный на стереотипизированном наборе тактик (паттернов) алгоритм выбора поведенческих решений, действий, приемов. Стратегия поведения — переходное звено, благодаря которому смысловые замыслы, опосредованные последовательно стратегией жизни и жизненными стратегиями, адаптируются к реалиям повседневности. Собственно, мы и концентрируем внимание на теоретико-методологических предпосылках изучения именно поведенческих стратегий постольку, поскольку без них лучшая жизненная стратегия на поверку оказывается «маниловщиной». С точки зрения устоявшихся теоретических конструктов ядовитая система диспозиций или триада (дискурсивное сознание — практическое сознание — неосознаваемые мотивы) внутренних предпосылок действия Э. Гидденса, характеризующих различные уровни (ступени) целерационального осознания причин тех или иных поступков, стратегия поведения не вписывается ни в один из выделенных уровней; это «сквозной», пронизывающий все уровни иерархии побудительной и направляющей системы, механизм, обеспечивающий взаимодействие этих уровней [Кухта, Мартинюк, Соболева, 2013].

Подобный широкий теоретический экскурс необходим в силу того, что сложная многоуровневая структура жизненных стратегий едва ли предполагает достаточным применение в качестве эмпирического референта какого-либо единичного прямого вопроса. Поэтому при переходе к эмпирическому изучению существующих жизненных стратегий, их различий у разновозрастных социальных групп и т. п. неизбежно приходится использовать определенную систему взаимосвязанных референтов, построение которой включает дискурсивный момент. В частности, базовым моментом, на наш взгляд, является самооценка социальной ситуации, в которой происходит обращение к тому или иному набору жизненных стратегий. Данные о такой самооценке в отношении населения Российской Федерации и Украины получены за ряд лет в соответствующих мониторинговых исследованиях¹. Сводные данные этих замеров представлены в таблице 1.

¹ Левада-Центр. Пресс-материал «Адаптация». 2017. (Последний опрос проведен 15—19 сентября 2017 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1 600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны). URL: <https://www.levada.ru/2017/10/19/adaptatsiya> (дата обращения: 15.07.2018); Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. Вип. 3 (17). 2016. 546 с.; Матеріали моніторингового дослідження українського общества за 2017 рік (использованы материалы мониторингового исследования, проводимого Институтом социологии НАН Украины с 1992 г.; последний опрос проведен в июне 2017 г. (N=1800, выборка многоступенчатая, репрезентирует население Украины 18 лет и старше по возрасту и полу)).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какое из следующих высказываний более соответствует сложившейся ситуации?», Россия/ Украина, %

	1998	2000	2005	2006	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Все не так плохо, жить можно	3	10	22	23	34	28	30	25	32	26	23	32
	4	4	18	13	12	9	9	11	5	5	9	7
Жить трудно, но можно терпеть	30	53	52	53	50	55	53	57	54	55	54	53
	31	39	52	48	53	53	49	47	45	42	38	37
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	61	31	21	19	13	14	14	15	11	14	20	13
	60	50	21	29	27	30	33	33	39	43	48	48
Затруднились ответить	6	6	6	5	3	3	3	3	4	5	3	3
	5	6	10	9	7	7	9	9	11	7	5	8

Как видим из приведенных в таблице данных (в Украине вопрос об отношении к сложившейся ситуации применяется с 1998 г.; замеры проводились один раз в два года, последние пять лет ежегодно, в 2001—2004 гг. данный вопрос в мониторинговом исследовании не применялся), в России и Украине разная динамика оценок сложившейся ситуации. В России после трудной для населения экономической ситуации 1998 г., связанной с дефолтом, наблюдался постепенный рост адаптированности населения к сложившейся ситуации, в 2017 г. зафиксирована положительная оценка сложившейся ситуации у трети респондентов (32%), чуть более половины (53%) считают, что «жить трудно, но можно терпеть», и лишь каждый восьмой (13%) считает ситуацию нестерпимой для себя. В Украине с 1998 г. крайне низок удельный вес положительных оценок, особенно за последние четыре года, когда этот показатель ни разу не достиг хотя бы 10-процентной отметки, и в 2017 г. примерно в 4,5 раза ниже, чем аналогичный показатель в России. Одновременно в Украине преобладающей в последние три года стала оценка «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», достигшая в 2016 и 2017 гг. максимальной отметки — 48%.

Рельефно демонстрирует различия в оценках существующей ситуации населением двух стран график адаптации, рассчитанный в обоих случаях по методике «Левада-Центра» (индекс адаптации рассчитывается как разница между позициями «все не так плохо и можно жить» минус $\frac{1}{2}$ от позиции «жить трудно, но терпеть можно» минус «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» плюс 100), представленный на рисунке 1. На рубеже тысячелетий индекс адаптированности населения двух стран имел более-менее схожие характеристики, однако после 2005 г. ситуация заметно меняется: если в России данный показатель возрастает, хотя и не по экспоненте, в Украине в течение последних 14 лет он постепенно снижается, остановившись в последние три года на низкой отметке, близкой к 40 баллам, что указывает на явно недостаточную адаптированность населения к жизненной ситуации. Это напрямую связано с уровнем удовлетворенности жизнью и чревато спонтанными социальными протестами (как это было в 2004—2005 и 2013—2014 гг.), имеющими базу в виде высокой степени напряженности и нестабильности.

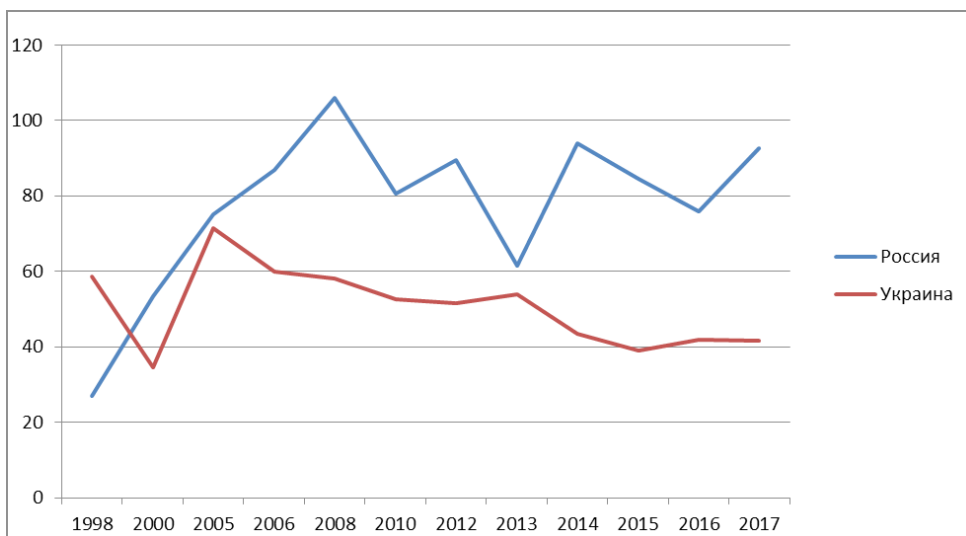

Рисунок 1. Сравнение индексов адаптации к жизненной ситуации жителей России и Украины, данные 1998—2017 гг.

Данные за почти 20-летний период свидетельствуют, что в Украине по сравнению с Россией имеют место серьезные трудности адаптации значительной части населения к новым политическим и социально-экономическим реалиям. Исходя из этого факта, целесообразно подробнее рассмотреть жизненные, в том числе адаптационные стратегии, применяемые украинским населением. В этом плане приоритеты в украинской социологии принадлежат Е. Злобиной, в течение 20 лет опрашивавшей в рамках мониторингового исследования респондентов о стратегии их приспособления к жизненной ситуации (см. табл. 2).

Таблица 2. «В какой степени Вы приспособились к теперешней жизненной ситуации?»,
распределение ответов за 1997—2017 гг., %

	1997	2003	2007	2009	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Активно включился в новую жизнь, рыночные отношения кажутся мне естественным способом жизнедеятельности	7	8	16	18	15	16	16	18	19	22
Пребываю в постоянном поиске себя в теперешней жизни	36	31	32	33	26	34	27	34	31	35
Не имею желания приспособливаться к теперешней жизненной ситуации, живу как придется, жду изменений к лучшему	45	36	38	34	32	31	32	33	32	31
Сложно сказать	12	25	14	14	25	18	25	15	18	12

Как видно из таблицы 2, за прошедшие годы произошли пусть не кардинальные, но заметные изменения в сторону повышения роли активных адаптационных стратегий, хотя они по-прежнему уступают пассивным и неопределенным. По данным исследовательницы, молодежь гораздо чаще выбирала активную стратегию адаптации, чем представители среднего и тем более старшего поколений [Злобина, 2015].

Соответственно в фокус внимания попадают представители старшего поколения как социодемографической группы, которая, казалось бы, традиционно хуже всего адаптируется к изменившимся жизненным реалиям. Однако все не так просто. Материалы мониторингового исследования, проводимого Институтом социологии НАН Украины, дали возможность проанализировать особенности жизнепостроения людей старшего возраста, в частности, перспективное жизненное ориентирование и жизненные стратегии в условиях постсоветской действительности. На основе данных исследования дается сравнение особенностей жизненного конструирования старшего поколения с молодежью 18—29 лет, а в ряде случаев и средней возрастной группой — 30—55 лет.

Специфику стратегий рассмотрим на основе следующего набора показателей:

- оценка внешней ситуации (степень напряженности в обществе, степень удовлетворенности собственной жизнью, уровень жизни);
- оценка внутренних резервов (возможности к изменениям и преодолению препятствий);

— выбор доступных средств (ресурсов) жизнеосуществления.

Начнем с оценки внешней ситуации. В общем, во всех трех демографических группах напряженность оценивается скорее высоко: если 1—3 уровни по 10-балльной шкале, обозначающие низкую оценку напряженности, выбрали 8—10% опрошенных в каждой группе, средний уровень (4—7 баллов) отметили 54,7% молодежи и почти равное количество — 48,7% и 48,5% — представителей среднего и старшего поколений, то высокий, в пределах 8—10 баллов, выбрали 34,4% молодых людей, 43,6% респондентов среднего и 42,5% старшего поколений. То есть при общей тенденции к оценке уровня напряженности как высокого, существует определенный разрыв между позицией молодежи — с одной стороны, и среднего и старшего поколений — с другой. Скорее всего, причиной этого является сравнительно меньший страх потери значимых позиций, как социальных, так и материальных, а также относительно меньшее давление социальных обязательств по отношению к семье (супружеских партнеров и детей). Можно предположить также, что ситуация повышенной социальной напряженности «нормальна» для определенной части молодежи, которая росла в условиях анонии. Так или иначе, старшее поколение мало отличается от других социально-демографических групп в оценке фактора напряженности.

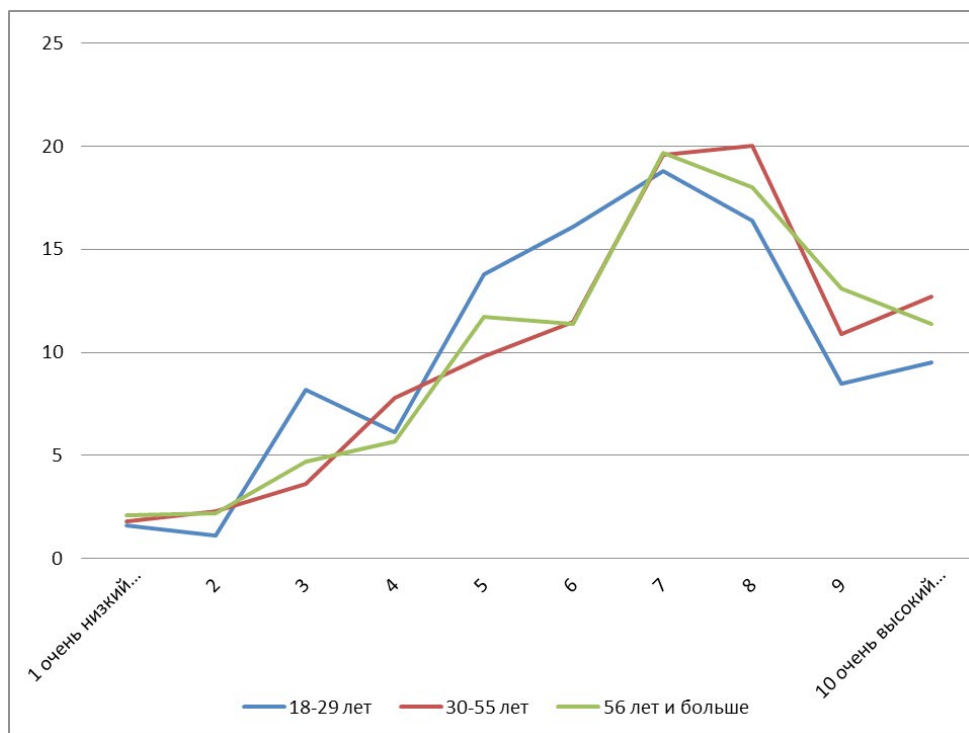

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали уровень напряженности в обществе сегодня?», 2017 (%)

Однако углубленный анализ причин, обуславливающих предпочтения по оценке общественной ситуации как напряженной и взрывоопасной, свидетельствует, что при внешнем сходстве оценок различных социо-демографических групп в отношении отношения старшего поколения к общественной ситуации лежат своеобразные, присущие именно ему факторы. Прежде всего следует учесть степень удовлетворенности положением в обществе, которая отличает старшее поколение. Люди старшего возраста вдвое больше удовлетворены своим положением по сравнению с молодежью 18—29 лет (16,6% и 32,4% соответственно), среди них гораздо больше, чем среди молодежи, тех, кто негативно относится к своему статусу. Эта показательная разница в самооценке социального положения свидетельствует о низкой степени приспособленности пожилых людей к нынешней ситуации, а поэтому является дополнительным источником напряженности.

Еще выразительнее неадаптированность пожилых людей к существующей в украинском обществе ситуации демонстрируют полученные в результате мониторинга-2017 Института социологии НАН Украины данные об удовлетворенности жизнью в целом, представленные в таблице 3.

Таблица 3. Степень удовлетворенности разновозрастных групп украинского общества жизнью в целом, 2017, %

	18—29 лет	30—55 лет	56 лет и больше	Всего
Совершенно не удовлетворен	8	14	22	16
Скорее не удовлетворен	28	35	38	34
Трудно сказать, удовлетворен или нет	20	17	18	18
Скорее удовлетворен	41	32	21	30
Полностью удовлетворен	3	2	1	2

Помимо заметного смещения распределения ответов в сторону неудовлетворенности в целом по выборке (половина опрошенных в той или иной степени неудовлетворены своей жизнью), соответствующий перекосяк особо характерен для респондентов, относящихся к старшей возрастной группе. И это для украинского общества тревожный показатель — происходят потеря мотивации к социально продуктивной деятельности в ее стратегической перспективе и переориентация на «удовольствие здесь и сейчас». Отсроченное вознаграждение на будущее — в виде пенсий, уважения окружающих или возможности в старшем возрасте строить жизнь по желаемому сценарию, освободившись от социальных обязательств, фактически не срабатывает как мотивирующий фактор. Наблюдается тенденция отношения к старшим как стигматизированным, немощным — с одной стороны, а с другой — для молодежи растет соблазн «развлекаться и жить пока молодой»,

что несет в себе угрозу длительных негативных последствий, замыкая круг «неудовлетворенности в старшем возрасте»: во-первых, такая тенденция поощряет поведение, не способствующее будущему здоровью (которое, кстати, играет роль одного из главных факторов удовлетворенности жизнью в старшем возрасте), способствует закреплению вредных привычек; во-вторых, увеличивает коммуникационный разрыв между поколениями, сужает возможности нахождения взаимопонимания и обмена опытом между поколениями. То есть значительный багаж жизненного опыта, в том числе преодоления препятствий, накопленный ресурс социального и материального капитала не помогают избежать пожилым людям социальных перипетий настоящего, не в состоянии выступить залогом стабилизации их жизни.

Не менее важен показатель степени благосостояния старшего поколения. Приведенные данные (см. табл. 4) свидетельствуют о существовании определенных проблем в этой сфере. В частности, оценка материального положения семьи как нищенского людьми старшего возраста более чем в три раза (!) превышает такую оценку в двух других возрастных группах. А если учесть, что о бедном положении заявляет больше половины респондентов выбранной категории, есть все основания утверждать, что среди пожилых преобладает состояние депривации по отношению к удовлетворению материальных запросов, что не может не отразиться на уровне напряженности данной социальной группы. (Социальная напряженность — достаточно размытое, метафоричное понятие. Применяя его, исходим из дефиниции, предложенной И. Мартинюком: «социальная напряженность может рассматриваться как сложный социальный феномен, аккумулирующий динамику эмоционально-психологических состояний социального субъекта (общества в целом, его части или отдельных социальных групп), детерминированных степенью удовлетворенности людей условиями и качеством жизни в обществе и своим положением в нем») [Мартинюк, 2017].

Таблица 4. Оценка материального положения собственной семьи в целом, 2017, %

Материальное положение семьи	Возрастные группы		
	18—29 лет	30—55 лет	56 лет и старше
Нищенское	2,1	2,7	9,1
Бедное	31,7	40,1	58,2
Среднее	65,6	55,9	32,2
Зажиточное	0,5	1,2	0,5
Богатое	0	0,1	0

Итак, специфика жизненных стратегий украинских граждан пожилого возраста формируется в условиях сравнительно низкой самооценки социального и материального положения, что не может не отражаться на уровне социальной напряженности, который выше, чем аналогичное состояние у молодежи.

Самооценка внутренних резервов респондентов пожилого возраста также оставляет желать лучшего. Ощущение способности влиять на то, как складывается собственная жизнь, и ответственности за происходящее в обществе у людей старшего возраста довольно низкое. Так, только 5,6% из них считают, что жизнь в основном зависит от них. А если принять во внимание позицию других возрастных групп украинского общества, видим, что 17,2% молодежи, 14,5% людей среднего возраста и только 7,5% людей старшего возраста считают, что жизнь в большей степени зависит от них, чем от внешних обстоятельств. И наоборот, среди пожилых почти вдвое больше (27,8%) по сравнению с двумя другими возрастными группами (соответственно 14,6% у молодежи и 15,5% — среднего возраста) тех, кто уверен, что их жизнь зависит в основном от внешних обстоятельств. Это красноречивый показатель, который, на наш взгляд, свидетельствует о том, что данная категория не видит внутреннего резерва к самостоятельному изменению своего неудовлетворительного положения.

Поэтому неудивительно, что в вопросе адаптации к нынешней жизненной ситуации позиции разных демографических групп населения существенно различаются в зависимости от возраста. Активно включился в новую жизнь и рыночные отношения 31% молодежи. Заметно меньше (24,6%) — представители среднего возраста. А вот среди старших только 12,3% успешно адаптировались к новой жизни, зато 42,2% не хотят приспосабливаться и ждут перемен к лучшему. Итак, мера приспособления к новым условиям напрямую связана с фактором возраста. Такое положение дел имеет широкий спектр причин — от макросоциальных до индивидуально-биологических, однако не подлежит сомнению факт сравнительно меньшей адаптивной способности старшего поколения к быстрому водовороту событий современной жизни.

Конфигурация внешних и внутренних факторов, характеризующих специфику жизненной ситуации старшего поколения украинского общества, предопределяет своеобразие построения людьми старшего возраста вероятных траекторий жизненного пути, особенности жизненного проектирования. Наглядно выбор стратегий можно увидеть в возрастном распределении ответов на вопрос: «В последнее время в нашей стране происходит заметное снижение жизненного уровня населения. Каким образом, по Вашим наблюдениям, люди чаще всего выходят из подобной ситуации?» Инструкция к вопросу позволяла выбрать не более трех ответов из предложенного числа альтернатив. Поскольку не согласились с утверждением о снижении жизненного уровня менее 1,8% опрошенных, а еще 4,4% затруднились с ответом, можно обоснованно предположить, что приведенные в вопросе альтернативы охватывают практически все распространенные в обществе стратегии решения указанной проблемы. Поэтому, 1) элиминировав неопределенные ответы, а также те, которые не признают снижение жизненного уровня, и 2) приняв все остальные полученные варианты ответов за 100%, вычислим удельный вес различных вариантов жизненных стратегий (см. табл. 5).

Таблица 5. Удельный вес различных вариантов в структуре жизненных стратегий основных социодемографических групп украинского общества, 2017, %

Стратегии	Возрастные группы			В целом по выборке
	18—29 лет	30—55 лет	56 лет и старше	
Терпят и ждут, пока ситуация улучшится	21,8	20,7	23,5	21,8
Самостоятельно пытаются улучшить свое материальное положение (подработки, смена работы, новый бизнес и т. д.)	34,1	34,2	30,6	32,9
Обращаются за помощью к родственникам, друзьям	18,0	15,1	16,9	16,3
Если другого выхода нет, идут даже в обход закона	10,7	9,6	7,5	9,1
Обращаются к Богу (молятся, идут в церковь)	3,3	6,0	7,8	6,0
Пытаются объединиться и давить на власть ради решения проблем (петиции, горячие линии, судебные иски и т. д.)	3,7	4,3	4,1	4,1
Обращаются к общественным организациям, общественным активистам, волонтерам	4,8	4,6	3,3	4,2
Выходят на протесты, требуя смены власти, которая не в состоянии остановить снижение уровня жизни	4,6	5,5	6,3	5,6

Прежде всего бросается в глаза преобладание неинтегрированности, пассивно-выжидательной *modus vivendi*, присущих украинцам. Основные стратегические линии выхода из ситуации усматриваются или в индивидуальном поиске (где-то пристроиться, где-то подработать и т. п.), или в пассивном ожидании изменений; традиционно значимы также надежды на родственников и друзей, так сказать, кумовство. Удельный вес стратегий, обращенных на общественные формы интеграции, крайне незначителен. Обращает на себя внимание и однотипность структуры жизненных стратегий, свойственная разным возрастным группам, которую справедливо интерпретировать как своеобразную дань превалирующей самооценке своего положения как «нестерпимого» и одновременно национальному менталитету (пассивность, хуторянство, выжидательная позиция в сочетании с формулой «себе на уме»). Хотя значительная часть респондентов (38,1%), по данным мониторинга-2017 Института социологии НАН Украины, считает, что нужно активно протестовать против постоянного ухудшения условий жизни, реальная доля тех, кто активно участвует в соответствующих акциях протеста, гораздо меньше. Даже среди респондентов, которые вербально провозглашают протестную позицию, три

четверти (76,6%) ни в одном из протестных мероприятий в течение последнего года не участвовали. Среди различных протестных акций наибольший резонанс получили мероприятия против повышения тарифов на коммунальные услуги (8,7%, в других протестных акциях принимали участие, по данным вышеуказанного исследования, всего от 0,6 до 3,8%).

Однако все же несмотря на воспроизводимость общей конфигурации жизненных стратегий от поколения к поколению заметна определенная разница между возрастными группами. Судя по полученным ответам, молодежь выглядит несколько активнее и раскованнее среднего и тем более старшего поколений. Последнее ведет себя моральнее, когда речь идет о незаконных путях достижения успеха и заметно больше надеется на Бога. Интересно и то, что протестные стратегии вовлечены в арсенал старших даже чуть больше, чем у остальных социально-возрастных групп.

Впрочем, можно сказать, что жизненные стратегии в современных условиях напряженности и нестабильности отличаются пассивностью и выжидательным характером. Определяющая черта современности — преобладание индивидуальных побуждений и активности перед коллективными побуждениями — играет в нашем обществе, особенно со старшими, злую шутку: пожилые люди на основании уже сложившихся интенций и ценностей не способны почувствовать собственные возможности к изменениям, поэтому ожидают соответствующих побуждений со стороны общества, которое, выбрав путь индивидуализации и атомизации, не спешит активно привлекать пожилых людей к социальному производству. Таким образом, при условии избрания типичных для украинского настоящего жизненных стратегий уровень напряженности, неудовлетворенности в обществе останется высоким и будет расти с возрастом, актуализируя стигматы ейджизма.

Список литературы (References)

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль. 1991. 299 с.
Abulkhanova-Slavskaya K.A. (1991) The Strategy of Life. Moscow: Thought. 299 p. (In Russ.)

Большакова Н. Г. Региональная модель социальной защиты населения // Инновационные технологии социального обслуживания населения. Опыт регионов. Ин-т инновационных социальных технологий МГСУ. 2003. № 1. С. 17—24.
Bolshakova N. G. (2003) The regional model of social protection of the population. In: Innovative technologies of social services the Experience of regions. Innovative social technologies (MSSU). No. 1. P. 17—24. (In Russ.)

Бондаренко И. Н., Лазарева В. С. В интересах пожилых людей // Работник социальной службы. М. : Ассоциация работников социальных служб. 1997. № 1. С. 43—45.
Bondarenko I. N., Lazareva V. S. (1997) In the interests of the elderly. Worker of social service. Moscow: Association of Social Workers. No. 1. P. 43—45. (In Russ.)

Борцов Ю. С., Камынин И. И. Ориентации и потребности. Ростов-на-Дону. РГПУ. 1995. 160 с.

Borktsov Yu.S., Kamynin I. I. (1995) Orientation and needs. Rostov-on-Don. RGPU. 160 p. (In Russ.)

Бузунова Л. Г. Жизненные стратегии женщин российской провинции // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 47—59.

Buzunova L. G. (2007) Life strategies of women of the Russian province. *Psychological science and education*. No. 3. P. 47—59. (In Russ.)

Букин В. П. Жизненные стратегии молодежи российской провинции // Власть. 2009. № 1. С. 51—55.

Bukin V. P. (2009) Life strategies of the youth of the Russian province. *Power*. No. 1. P. 51—55. (In Russ.)

Василенко Н. Ю. Социальная геронтология. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета. 2003. 140 с.

Vasilenko N. Yu. (2003) Social Gerontology. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University. 140 p. (In Russ.)

Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2001. Март — апрель. С. 74—85.

Vasilieva O. S., Demchenko E. A. (2001) Study of the main characteristics of the life strategy of the person. *Questions of psychology*. March — April. P. 74—85. (In Russ.)

Головаха Е. И. Жизненные перспективы и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. Санкт-Петербург: Питер. 2001. С. 256—269.

Golovakha E. I. (2001) Life prospects and value orientations of the individual. In: *Psychology of personality in the works of domestic psychologists*. St. Petersburg: Peter. P. 256—269. (In Russ.)

Злобіна О. Особливості мобілізації людського потенціалу в кризових умовах // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони та М. Шульги. Київ: Інститут соціології НАН України, 2015. С. 165—174.

Zlobina O. (2015) Features of Mobilization of Human Potential in Crisis Conditions // *Ukrainian Society: Monitoring of Social Change* / ed. by V. Vorony and M. Shulga. Kyiv: Institute of Social Psychology of the National Academy of Sciences of Ukraine. P. 165—174. (In Ukrainian)

Киселева Т. Г. Организация свободного времени досуга лиц пожилого возраста, проживающих стационарных учреждениях социального обслуживания // Т. Г. Киселева, Ю. С. Моздокова. Пожилые люди: социальная политика развитие социальных услуг. Гос НИИ семьи и воспитания, 2003. Вып. 3. С. 154—184.

Kiseleva T. G. (2003) Organization of free leisure time for elderly persons living in stationary social services institutions. In: T. G. Kiselev, Yu. S. Mozdokova. *Elderly people: social policy development of social services: Gov RI of famaly and education*. No. 3. P. 154—184. (In Russ.)

Козлов А. А. Старость: социальная разобщенность или целостность? // Мир психологии. 1999. № 2. С. 80—96.

Kozlov A. A. (1999) Old Age: Social Dissociation or Integrity? *World of Psychology*. No. 2. P. 80—96. (In Russ.)

Кухта М. П. «Життєві стратегії»: поняття та особливості формування / Соціальні виміри суспільства. Київ: ІС НАНУ, 2011. № 3 (14). С. 76—88.

Kuckhta M. P. (2011) «Life strategies»: concept and peculiarities of formation *Social Dimensions of Society*. Kyiv: Institute of Sociology of the NAS of Ukraine. No. 3 (14). P. 76—88. (In Ukrainian)

Кухта М., Мартинюк І. Особливості взаємовідношення понять «стратегії життя», «життєві стратегії», «поведінкові стратегії» / Соціальні технології. Актуальні проблеми теорії та практики. — Запоріжжя: Класичний приватний університет, 2012. Вип. 56. С. 7—20.

Kuckhta M., Martyniuk I. (2012) Features of the relationship between the concepts of «life strategy», «life strategies», «behavioral strategies». In: *Social Technologies. Actual problems of theory and practice*. Zaporozhye: Classic Private University. No. 56. P. 7—20. (In Ukrainian)

Кухта М. П. Життєві стратегії випускників закладів загальної середньої освіти України : дисерт. здоб. наук. ступ. канд. соц. наук. К., 2013 р. 205 с.

Kukhta M. P. (2013) Life strategies of graduates of institutions of general secondary education of Ukraine / dissert. obtaining sciences. step Ph D. Kiev. 205 p. (In Ukrainian)

Кухта М., Мартинюк І., Соболева Н. (2013) Життєві стратегії / Соціальна регуляція поведінки в умовах стабільної нестабільності / за ред. О. Злобіної. К. : Інститут соціології НАН України, 2013. С. 154—167.

Kuckhta M., Martyniuk I., Soboleva N. Life strategies. In: *Social regulation of behavior in conditions of stable instability*. Ed. by O. Zlobina. Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. P. 154—167. (In Ukrainian)

Мартинюк І. Соціальна напруженість в кризовому суспільстві: проблеми соціологічного дослідження / І. Мартинюк, Н. Соболева // Нові нерівності — нові конфлікти: шляхи подолання / Тези доповідей та виступів учасників Ш Конгресу Соціологічної асоціації України. Харків, 12—13 жовтня 2017 року / Харків, 2017. С. 45—46.

Martyniuk I. (2017) Social tension in a crisis society: problems of sociological research. In: *New inequalities — new conflicts: ways to overcome. Abstracts of speeches and speeches of participants of the Congress of the Sociological Association of Ukraine*. Kharkiv, October 12—13, 2017. Kharkiv. P. 45—46. (In Ukrainian)

Мдивани М. О., Кодесс П. Б. Методика исследования жизненных стратегий личности // Вопросы психологии. № 4. 2006. С. 146—150.

Mdivani M. O., Kodess P. B. (2006) Methodology of the study of life strategies of personality. *Questions of psychology*. No. 4. P. 146—150. (In Russ.)

Панина Н. В. Особенности отношения к жизни на поздних этапах жизненного пути / Жизненный путь личности. Киев : Наук. думка. 1987. С. 236—247.

Panina N. V. (1987) Features of attitude towards life at later stages of life's journey. In: *Life way of personality*. Kiev: Science. Opinion. P. 236—247. (In Russ.)

Патрушев В. Д. Пенсионер: его труд, быт и отдых // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 105—110.

Patrushev V. D. (1998) Pensioner: his work, life and rest. Sociological Studies. No. 10. P. 105—110. (In Russ.)

Резник Т. Е. Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 100—105.

Reznik T. E. Reznik Y. M. (1995) Life strategies of the person. Sociological Studies. No. 12. P. 100—105. (In Russ.)

Россет Э. Процесс старения населения. М. : Статистика. 1968. 510 с.

Rosset E. (1968) Aging Process of Population. Moscow: Statistics. 510 p. (In Russ.)

Соболева Н. Життєва активність старшої вікової групи як ресурс розвитку сучасного українського суспільства // Н. Соболева, М. Кухта. Українське суспільство: моніторинг соціальних змін: ІС НАНУ, 2016. С. 347—364.

Soboleva N. (2016) The vital activity of the older age group as a resource for the development of modern Ukrainian society. In: Ukrainian society: monitoring of social changes: Institute of Social Psychology of the National Academy of Sciences of Ukraine. P. 347—364. (In Ukrainian)

Сохань Л. Стратегия жизни и стратегический потенциал личности // Соціальні виміри суспільства. Київ, 2016. № 6 (17). С. 362—369.

Sokhan L. (2016) Strategy of Life and Strategic Potential of Personality, Social Dimensions of Society. Kiev. No. 6 (17). P. 362—369. (In Russ.)

Сохань Л. В., Кириллова М. В. Жизненная программа личности как способ сознательной организации ее жизнедеятельности // Стиль жизни личности: Теорет. и методол. пробл. Киев, 1982. С. 228—255.

Sokhan L. V., Kirillova M. V. (1982) The life program of the person as a way of conscious organization of its life. In: The style of life of the person: Theoret. and methodology. probl. Kiev. P. 228—255.

Соболева Н. Культурні домінанти поколінь та життєві стратегії молоді // Субкультурна варіативність українського соціуму / за ред. Н. Костенко, А. Ручки. Київ : ІС НАНУ. 2010. С. 70—98.

Soboleva N. (2010) Cultural dominant generations and life strategies of youth. In: Subcultural variability of Ukrainian society. Ed. by N. Kostenko, A. Handles. Kiev: IS NANU. P. 70—98. (In Ukrainian)

Чеботарева Д. Ю. Социокультурные условия формирования индивидуальных жизненных стратегий современного человека // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. Проблемы социокультурной трансформации современного российского общества. Ростов н/Д, 2006. С. 52—68.

Chebotareva D. Yu. (2006) Socio-cultural conditions of formation of individual life strategies of modern man. Izvestiya Vuzov. North Caucasus region. Social sciences. Special issue. Problems of sociocultural transformation of modern Russian society. Rostov N/D. P. 52—68. (In Russ.)

- Шапиро В. Д.* Человек на пенсии (социальные проблемы и образ жизни). М. : Мысль, 1980. 208 с.
- Shapiro V. D.* (1980) A retired person (social problems and way of life). Moscow: Thought. 208 p. (In Russ.)
- Шапошников Н. Л.* Социальная конкуренция в жизненных стратегиях молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону. 2008. 22 с.
- Shaposhnikov N. L.* (2008) Social Competition in the Life Strategies of Youth. Author's abstract. dis ... Candidate sociologist sciences. Rostov-on-Don. 22 p. (In Russ.)
- Ядов В. А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Социальная психология: хрестоматия / сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. М. : Аспект Прес, 2003. С. 416—430.
- Yadov V. A.* (2003) About the dispositional regulation of social behavior of the personality. In: Social psychology: chrestomathies. Comp. by E. P. Belinskaya, O. A. Tikhomandritskaya. Moscow: Aspect Press. P. 416—430. (In Russ.)
- Cumming E., Henry W. E.* (1961) Growing old, the process of disengagement. New York: Basic Books Publ. 293 p.
- Erikson E.* (1950) Childhood and Society. New York: W. W. Norton. 397 p.
- Irwin S.* (1995) Rights of Passage: Social change and the transition from youth to adulthood. London: Routledge.
- McFadden S., Atchley R.* (2001) Overview Aging and the Meaning of Time: A Multi-disciplinary Exploration Springer. N.Y.: Springer Publishing Company. 280 p.
- Mead M.* (1970) Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. Garden City, New York: The American Museum of National History. 91 p.
- Nussbaum J., Pecchioni L. L., Robinson J. D. (eds.).* (2000) Communication and Aging. 2-nd ed. New York: Routledge Taylor & Francis Group. 392 p.
- Reily M., Johnson M., Foner A.* (1972) Element in a model of age stratification. In: *Aging and society. Vol. III-A sociology of age stratification.* New York: Russell Sage Foundation P. 3—27.
- Taylor R., Ford G.* (1981) Lifestyle and ageing: Three traditions in lifestyle research. *Ageing and society. Vol. 1. No. 3.* P. 329—345. <https://doi.org/10.1017/S0144686X00008941>.